

Сказка — про — рыжую ведьму

Ольга Рейн

18+

Ольга Рейн

Сказка про рыжую ведьму

«Автор»

2026

Рейн О.

Сказка про рыжую ведьму / О. Рейн — «Автор», 2026

Рыжая ведьма умеет понимать чужую боль, держать на себе слишком много и быть сильной тогда, когда давно пора лечь под плед и никого не спасать. Однажды её внутренний котёл оказывается пустым. В этот вечер из тёмного угла появляется Лис — наглый, мудрый, смешной и подозрительно точный. Он не спасает ведьму. Он просто помогает ей услышать то, что она слишком долго не решалась сказать себе. Это взрослая сказка о любви без качелей, о праве не быть удобной, о старых страхах, доме с большими окнами и дороге обратно к себе.

© Рейн О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Городская ведьма	6
Глава 2. Три дороги	11
Глава 3. Вечер с жасмином	16
Г	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Рейн

Сказка про рыжую ведьму

От автора

Эта история — не инструкция по идеальной жизни и не обещание, что однажды всё перестанет болеть. Скорее это сказка о том, как перестать бросать себя в те моменты, когда страшно, одиноко или слишком непривычно хорошо.

В ней есть ведьма, Лис, Мужчина, старый дом, новые окна, чай, пирог и много маленькой правды. Иногда правда звучит просто. Иногда смешно. Иногда неприятно точно. Но если перестать добавлять в неё страх, она действительно может оказаться сладкой.

Пусть эта книга будет тёплым местом, куда можно вернуться, когда хочется вспомнить: мне тоже можно.

Глава 1. Городская ведьма

Жила-была рыжая ведьма.

Не та, которая летает над деревней и портит молоко, а другая — городская, уставшая, умная и с очень красивыми руками. Колдовство у неё было странное: она не умела превращать людей в жаб, зато умела одним взглядом понять, где в человеке трещина, а где золото.

Она жила не в башне и не в избушке на курьих ножках, а в обычном доме, где по вечерам пахло тёплой водой после душа, кремом для рук и немного усталостью. За окном шумел город. В окнах напротив загорались чужие жизни: кто-то ужинал, кто-то смеялся, кто-то ругался, кто-то возвращался домой с пакетами и лицом человека, который тоже весь день держался.

Ведьма смотрела на эти окна и иногда думала, что у каждого дома есть свой запах. У одних домов пахнет пирогами и детским шампунем. У других — кофе, глаженным бельём и тревогой. А у её дома чаще всего пахло делами, которые надо доделать.

Даже когда она отдыхала, где-то в углу комнаты всё равно лежало невидимое «надо». Оно было очень воспитанным, почти интеллигентным: не кричало, не стучало ложкой по столу, но присутствовало всегда. Надо ответить. Надо проверить. Надо не забыть. Надо помочь. Надо понять, что человек имел в виду на самом деле. Надо успеть до того, как кто-то расстроится. Надо быть собранной, потому что если она рассыплется, кто тогда всё это подберёт?

У ведьмы был дар: она могла держать на себе слишком много. Чужие тревоги, недоделанные дела, тяжесть прошедшего дня, чужое плохое настроение, чужие намёки, чужие «ну ты же понимаешь», даже чьи-то невысказанные слова — всё это липло к ней, как репей к шерстяному пальто.

Иногда ей казалось, что она выходит из дома в одном платье, а возвращается в другом — тяжёлом, невидимом, сшитом из чужих просьб, ожиданий и мелких человеческих обид. Она, конечно, всё это снимала. Но не сразу. Сначала развешивала чужое по комнате: тревогу — на спинку стула, срочные дела — на край стола, вину — возле кровати, чтобы утром сразу наступить. А чужое «мне тяжело» почему-то клала рядом с сердцем. Там всегда находилось место.

Она умела быть сильной так давно, что уже почти не помнила, когда начала. Сначала, наверное, это было просто удобно: сильных реже спрашивают, как они; умным чаще поручают сложное; понимающим охотнее приносят боль. А если ты справляешься, всем быстро начинает казаться, что так и надо.

И ведьма справлялась.

С работой. С людьми. С тишиной после разговоров, в которых от неё опять взяли больше, чем оставили. С собственным телом, которое иногда просило лечь, но получало: «Сейчас, только доделаю». С душой, которая хотела нежности.

По документам у ведьмы была обычная городская работа: письма, таблицы, сроки, чужие «это срочно» и люди, которые почему-то верили, что если вопрос достаточно тревожно переслать, он уже наполовину решён. Но на самом деле она работала переводчиком хаоса. Брала чужое «всё горит», снимала с него дым и искала, где там настоящий пожар, а где просто кто-то махал спичкой возле штор.

Она не жаловалась. Нет, иногда ворчала, конечно. Рыжие ведьмы без ворчания быстро теряют цвет, это известный факт. Но по-настоящему не жаловалась, потому что внутри у неё давно жило простое заклинание:

раз держу — значит могу;

раз могу — значит должна.

И это заклинание работало. Оно поднимало её по утрам. Оно заставляло отвечать, когда хотелось молчать. Оно помогало улыбаться в моменты, когда внутри уже давно сидела малень-

кая уставшая женщина в плеле и смотрела в одну точку. Оно делало её надёжной. Полезной. Собранной. Почти неуязвимой.

Только вот с каждым годом в этом «почти» становилось всё больше правды.

Ведьма знала людей хорошо. Она умела почувствовать, где человек говорит из боли, а где из гордости. Где просит помощи, а где пытается незаметно переложить на неё свой мешок. Где любовь, а где привычка греться у чужого огня и не приносить дров. Но, как это часто бывает с умными ведьмами, видеть она умела многое. А выбирать себя — не всегда.

В её доме было много маленьких признаков того, что она живёт не совсем своей жизнью. На кухне стояла чашка с недопитым чаем, который она заварила для себя и бросила, потому что кому-то срочно понадобилось её внимание. У кровати лежала книга, открытая на одной и той же странице уже третью неделю. На полке стоял красивый крем для рук, которым она пользовалась только тогда, когда кожа начинала трескаться, а не просто потому, что себе приятно.

В телефоне было много сообщений, начинавшихся словами: «Слушай, можно тебя спросить?» И почти ни одного: «Как ты?»

Ведьма иногда усмехалась, глядя на экран.

— Конечно, можно, — говорила она вслух пустой комнате. — Ведь у меня же внутри справочная служба, пункт приёма тревог и маленький филиал скорой помощи.

Потом всё равно отвечала.

Потому что была доброй. Не мягкой — мягкой её как раз видели не все. А доброй. Это разные вещи. Мягкий человек может уступать, потому что боится. Добрый — потому что чувствует.

Ведьма чувствовала много. Иногда слишком много. И от этого уставала сильнее, чем признавала.

Днём она могла быть быстрой, точной, ироничной. Могла решить вопрос, который другие гоняли по кругу неделю. Могла одной фразой поставить на место хаос. Могла увидеть, где в разговоре спрятана манипуляция, где страх, а где обычная человеческая глупость в шляпе важности.

Но вечером, когда город темнел, а в комнате становилось тихо, с неё постепенно сходила дневная собранность. Оставались плечи, которые хотелось опустить. Руки, которые хотелось согреть. Глаза, которым надоело быть внимательными. И сердце, в которое слишком многие заходили без стука.

Ведьма не сразу поняла, что начала исчезать. Это ведь редко происходит громко. Никто не врывается в комнату с барабаном и не объявляет: «Внимание! Вы сейчас постепенно предаёте себя во имя чужого удобства!»

Нет.

Сначала ты просто откладываешь свой отдых на завтра. Ужин — на потом. Свой вопрос — до лучших времён. Желание — потому что «ну сейчас не до этого». Потом тело начинает говорить громче. Потом душа. А потом однажды ты сидишь вечером на краю кровати и не можешь понять, чего хочешь.

Не потому что ничего не хочешь.

А потому что слишком долго спрашивала об этом всех, кроме себя.

У ведьмы был котёл. Не огромный чёрный котёл из сказок, в котором булькают лягушачьи лапки и судьбы соседей. Нет. Её котёл был невидимый. Внутренний. В нём варилась её живая вода.

Из этой воды она делала всё: ясность, смелость, заботу, тепло, остроумие, собранность, способность выдерживать и начинать заново.

Когда воды было много, ведьма могла почти всё. Она могла спорить с трудным днём. Могла смеяться над тем, что вчера казалось катастрофой. Могла быть красивой даже в уста-

лости. Могла идти по городу так, будто внутри у неё горит маленькое солнце, и никто не имеет права его погасить.

Но в последнее время котёл часто звенел пустым дном.

Сначала ведьма делала вид, что не слышит. Затем решила, что это просто период. Через какое-то время — что надо собраться. Позже — что все так живут. А ещё позже — что она отдохнёт на выходных. Потом выходные тоже куда-то ушли: в дела, покупки, помощь, уборку, чужие разговоры, собственное «надо бы».

И вот однажды в пятницу вечером, когда небо за окном стало тёмно-синим, как старая бархатная лента, рыжая ведьма поняла, что её котёл пуст.

Не выкипел. Не сломался. Просто в нём больше не было живой воды. Только пар и звон усталости на дне.

Она стояла посреди комнаты и вдруг не могла сделать ничего из того, что обычно делала автоматически. Не могла открыть книгу заклинаний. Не могла взять в руки кристалл срочных дел. Не могла сварить новое зелье для чужого спокойствия. Не могла даже убедительно сказать себе: «Ну давай, соберись».

Слово «соберись» в тот вечер звучало особенно глупо. Как будто она была рассыпанными пуговицами, а не живой женщиной.

Ведьма посмотрела на свои руки. Красивые, усталые, немного сухие от воды и холода. Эти руки много чего держали: чашки, документы, телефон, чужие ладони, собственное лицо в те минуты, когда надо было не расплакаться. Они умели делать, чинить, гладить, писать, считать, готовить, обнимать, отпускать, снова делать.

Но в тот вечер ей впервые захотелось, чтобы эти руки ничего не держали.

Совсем ничего.

Хотя бы один вечер.

Она медленно села на пол у кровати. Не драматично. Не красиво. Просто села, потому что стоять дальше было как-то слишком официально для человека, у которого внутри закончилась вода.

В комнате было тихо. Город за окном жил дальше. Кто-то куда-то ехал. Кто-то кому-то звонил. Кто-то наверняка прямо сейчас писал: «Слушай, можно тебя спросить?»

Ведьма посмотрела на телефон. Экран мигнул.

Она не взяла его в руки.

И это было почти революцией.

Маленькой, комнатной, без флагов и свидетелей.

Она просто сказала вслух, очень тихо:

— Сегодня я никого не спасаю.

И, конечно, ничего страшного не произошло. Лес не рухнул. Звёзды не посыпались. Города не исчезли. Никто не прислал сову с официальным уведомлением: «Ваша лицензия хорошей девочки аннулирована».

Даже потолок остался на месте.

Зато произошло кое-что важнее.

Из самого тёмного угла комнаты вышел маленький Лис. Рыжий-рыжий, почти как её волосы. Он сел рядом и сказал:

— Наконец-то.

Ведьма посмотрела на него устало. В другой день она, возможно, удивилась бы говорящему лису в своей комнате. Но в тот вечер сил хватало только на главное.

— Что наконец-то? — спросила она.

— Наконец-то ты оставила немного магии себе.

Ведьма сначала даже не поняла. Она ведь всегда думала, что магия нужна для работы, для помощи, для решений, для других. Чтобы успеть. Чтобы выдержать. Чтобы не подвести.

Чтобы быть той, на кого можно опереться, даже если сама она уже давно держится на честности и двух чашках чая.

А Лис ткнулся носом в её ладонь и объяснил:

— Настоящая магия начинается не тогда, когда ты всё выдержала. А тогда, когда ты поняла, что тебе тоже нужен огонь, плед и тишина.

Ведьма молчала.

Слова были простые. Почти неприлично простые.

Огонь. Плед. Тишина.

Не план спасения мира. Не стратегия выхода из кризиса. Не список дел на понедельник. Просто огонь, плед и тишина.

И почему-то именно от этой простоты у неё защипало в глазах.

— Я думала, сила — это когда можешь ещё, — сказала она.

Лис фыркнул.

— Это не сила. Это часто плохая бухгалтерия души.

— Бухгалтерия души?

— Конечно. Ты списываешь себя в расходы и называешь это любовью к людям.

Ведьма хотела возразить. Очень хотела. Но аргументы, как назло, тоже устали. Поэтому она только вздохнула и впервые за долгое время не стала доказывать, что с ней всё нормально.

Потому что с ней было не всё нормально.

И, возможно, именно с этого начиналось что-то хорошее.

Она легла, укрылась одеялом до подбородка и стала слушать, как дом дышит вместе с ней. Сначала было непривычно. Тело всё ещё ждало команды: встать, ответить, проверить, доделать, исправить, быть нужной. Но команды не было.

Была только тишина.

Лис устроился рядом, свернулся тёплым рыжим комком и прикрыл глаза, будто всю жизнь ждал именно этого вечера. И чем дольше ведьма лежала, тем больше возвращалось к ней то, что днём почти исчезло: мягкость, внутреннее тепло, тихий голос, ощущение, что она не только ведьма для мира, но ещё и женщина для самой себя.

Ей не стало сразу хорошо. Так не бывает. Пустой котёл не наполняется от одной красивой фразы, даже если её сказал очень убедительный Лис.

Но внутри появилась маленькая пауза.

Место, куда не вошло чужое.

И это уже было много.

Перед сном ведьма подумала, что завтра, возможно, снова будет много дел. Кто-то опять что-то попросит. Что-то опять окажется срочным. Мир, скорее всего, не станет деликатнее только потому, что она устала.

Но теперь в её комнате был Лис.

А главное — теперь в ней самой появилось одно новое заклинание. Не громкое. Не эффектное. Не для сцены.

Просто:

«Мне тоже можно».

Утром она проснулась не другой. Нет. Она всё ещё была той же рыжей ведьмой. С теми же делами. С тем же городом за окном. С тем же телефоном, который уже успел накопить несколько маленьких человеческих «срочно».

Но что-то изменилось.

Она не сразу потянулась к экрану. Сначала посмотрела в окно. Потом на свои руки. Потом медленно намазала их кремом.

Не потому что кожа уже трескалась.

А просто потому, что ей было приятно.

Лис с подоконника наблюдал за этим с таким видом, будто присутствует при историческом событии.

— Не смотри так, — сказала ведьма.

— Как?

— Будто я королевство отвоевала.

Лис зевнул.

— А ты что, нет?

Ведьма хотела усмехнуться, но вместо этого почему-то улыбнулась.

И в зеркале ей показалось, что волосы стали чуть ярче.

Потому что рыжие ведьмы всегда красивее после отдыха.

Глава 2. Три дороги

После той ночи, когда ведьма впервые за долгое время никого не спасала, дом её стал другим.

Не снаружи — снаружи он был всё тем же: окно, тёмное стекло, чашка на столе, тихий свет лампы. Но внутри появилось место для неё самой.

Это было странное место — маленькое, почти незаметное. Его нельзя было потрогать рукой или показать гостям, если бы ведьма вдруг решила кого-то позвать. Оно не занимало полку, не требовало новой мебели и не просило переставить стол ближе к окну. Но оно было: место, куда не вошла чужая тревога; место, где не лежало чужое «срочно»; место, где ведьма могла хотя бы несколько минут не быть полезной. И от этого дом казался больше.

А наутро Лис, тот самый рыжий, сидел на подоконнике и смотрел так, будто уже всё про неё понял.

— Сегодня мы идём, — сказал он.

Ведьма завязывала волосы перед зеркалом. После вчерашнего вечера они и правда стали чуть ярче, что было подозрительно, но приятно.

— Куда? — спросила она.

— Искать место, где тебе будет хорошо жить.

Ведьма фыркнула.

— Очень смешно. Такие места либо заняты, либо дорогие, либо существуют только в чужих жизнях.

Лис даже ухом не повёл.

— Вот поэтому и идём. Ты слишком долго смотрела на хорошие места как на чужие.

Она хотела возразить, но не нашла ничего достаточно убедительного. В конце концов, спорить с Лисом с утра — занятие неблагодарное. Особенно если он, как назло, прав.

Они вышли рано, когда воздух был ещё прохладный, а город не до конца проснулся. Улицы были почти пустыми. В окнах кое-где загорался свет, на остановках стояли люди с лицами тех, кто ещё не понял, хочет ли участвовать в этом дне. Машины проезжали редко, а город звучал вполголоса, будто сам ещё не допил утренний чай.

Рыжая ведьма шла рядом с Лисом и думала, что уже знает этот мир. Красивые дома. Чужие окна. Жизнь, которая у кого-то получается как будто легче. Раньше она смотрела на всё это и чувствовала смесь восхищения и голода. Как будто где-то рядом существовала другая реальность: светлая, спокойная, ухоженная, с тёплой кухней, мягким голосом по вечерам и людьми, которые не исчезают в самый неподходящий момент.

Но эта реальность всегда казалась ей чужой. Красивой — да. Возможной — нет.

Теперь же внутри было что-то другое. Не зависть. Не тоска. Не желание прижаться лбом к чужому окну и попросить пустить хотя бы на час. Только спокойная внимательность.

Как будто она впервые смотрела на хорошую жизнь не как на витрину, а как на вопрос.

Они шли долго. Город постепенно менялся: шумные улицы становились тише, дома — ниже, воздух — прозрачнее. Асфальт закончился, началась старая дорога, по краям которой росли деревья с тёмными стволами и тонкими ветками. Лис шёл впереди, иногда оглядываясь, будто проверял, не передумала ли ведьма.

Она, конечно, думала передумать. Несколько раз. Но шла.

Наконец они вышли к месту, где дорога расходилась на три стороны.

Над первой висела табличка: «Знакомое». Над второй: «Красивое, но не твоё». Над третьей: «Своё, но пока непривычное».

Ведьма остановилась и внимательно посмотрела на таблички.

— Ну и где подвох? — спросила она.

— В том, — сказал Лис, садясь рядом, — что почти все идут по первой дороге. Иногда забегают на вторую, фотографируются, грустят и возвращаются. А до третьей доходят только те, кто готов выдержать странное чувство: будто хорошее уже рядом, но ты ещё не умеешь в нём стоять.

Ведьма долго молчала.

Первая дорога выглядела надёжно. Не хорошо, нет. Но понятно. На ней были знакомые повороты, привычные ямы, старые указатели, по которым она уже умела ходить даже с закрытыми глазами. Там было не слишком тепло, зато не требовалось учиться заново. Там она знала, где будет больно, где придётся собраться, где надо заранее не ждать многого.

Вторая дорога была красивой. Даже слишком. Она блестела так, будто её специально отполировали для тех, кто любит смотреть на чужую жизнь и чувствовать себя немного хуже. Там вдаль виднелись дома с идеальными окнами, люди с лёгкими лицами, судьбы, в которых всё как будто случилось вовремя и к месту.

Ведьма знала эту дорогу. Не ногами — глазами. Она часто смотрела на неё издалека.

А третья дорога была самая странная. Не сияющая. Не торжественная. Не такая, чтобы сразу сказать: «Вот оно». Она была тихая, чуть непривычная, с мягкой пылью под ногами и светом, который не ослеплял, а звал.

Ведьма посмотрела на свои руки. Эти руки много чего держали: чужую тревогу, быт, работу, последствия чужих решений, собственное одиночество, остатки надежд, незаданные вопросы.

И вдруг ей стало страшно не от того, что дорога может оказаться плохой. А от того, что она может оказаться хорошей.

— А если я не подойду тому месту? — тихо спросила она.

Лис посмотрел на неё без насмешки. В такие моменты он становился очень серьёзным, и от этого его рыжая морда казалась почти древней.

— Это старый вопрос, — ответил он. — Попробуй новый.

— Какой?

— Подойдёт ли это место тебе.

Ведьма моргнула.

Вопрос был короткий. Почти простой. Но внутри от него что-то сдвинулось, как сдвигается тяжёлый шкаф, за которым много лет лежало забытое письмо.

Она вдруг поняла, что почти всю жизнь спрашивала иначе: подойду ли я? достойна ли я? не слишком ли много хочу? не слишком ли поздно? не слишком ли жирно? не нужно ли сначала стать лучше, легче, спокойнее, красивее, удобнее, чтобы хорошая жизнь имела право обратить на меня внимание?

А тут Лис стоял посреди трёх дорог и предлагал ей совершенно неприличную роскошь: выбирать не по принципу «возьмут ли меня», а по принципу «мне ли туда».

Ведьма подняла голову.

— А там тепло? — спросила она.

— Да, — сказал Лис.

— Там можно выдохнуть?

— Да.

— Там не надо всё время тащить одной?

Лис посмотрел на неё очень внимательно.

— Там ты не будешь выбирать между собой и жизнью.

И тогда ведьма ступила на третью дорогу.

Поначалу она ей совсем не понравилась. Не потому что дорога была плохой. Как раз наоборот: она была слишком спокойной. Тихой. Без лишнего блеска, без тревожных знаков,

без ощущения, что сейчас надо будет срочно что-то доказать, кого-то спасти или выдержать очередную проверку на прочность.

Ведьма шла и всё ждала, когда начнётся настоящее. Ну то самое, знакомое: напряжение в животе, подвох за поворотом, резкий рывок судьбы, необходимость стать незаменимой, чтобы тебя не оставили на обочине. Она почти искала глазами место, где дорога наконец предъявит счёт: за тепло, за выбор, за право идти туда, где может быть хорошо.

Но дорога просто была дорогой. Под ногами мягко шуршала пыль. В ветках шумел ветер. Свет ложился на землю спокойно, без театральности, будто не собирался никого убеждать в собственной важности. Лис шёл рядом и выглядел совершенно довольным, что особенно раздражало.

— Странное место, — сказала ведьма через какое-то время. — Тут как будто... нормально.

— Именно, — сказал Лис.

— И тебя это не настораживает?

— Нет.

— А меня настораживает.

— Конечно, — кивнул Лис. — Ты просто долго жила так, будто нормально — это скучно, а трудно — это судьба.

Ведьма ничего не ответила. Потому что иногда Лисы говорят такие вещи, после которых спорить можно только из вредности. А вредности у неё, конечно, хватало. Но сил после вчерашнего вечера было меньше.

Они шли дальше. День становился теплее. Дорога не обещала ведьме немедленного счастья. Не раскрывала перед ней сияющий финал. Не говорила: «Вот сейчас ты всё поймёшь, исцелишься и начнёшь жить красиво, как женщина из чужого окна». Дорога просто была — тихая, непривычная, своя.

Потом деревья стали редеть. Вместо мягкой пыли под ногами снова появился асфальт. Вместо птичьих голосов — далёкий шум машин. Вместо лесной прохлады — знакомый городской воздух, в котором смешались пыль, чужие ужины, нагретые стены и приближающийся вечер.

Ведьма сначала не сразу поняла, где они. А потом увидела знакомую аптеку на углу, вывеску маленького магазина, остановку, на которой по утрам всегда стояли люди с лицами тех, кто ещё не договорился с этим днём.

Она остановилась.

— Подожди, — сказала ведьма. — Мы вернулись?

Лис сел рядом и аккуратно обвил лапы хвостом.

— Похоже на то.

— То есть я целый день шла по третьей дороге, чтобы выйти обратно к своему району?

— Удивительно, правда?

Ведьма посмотрела на него с подозрением.

— Это какая-то издёвка?

— Нет, — сказал Лис. — Это взрослая магия. Она часто выглядит не так эффектно, как хотелось бы.

Ведьма оглянулась. Всё было знакомым: дома, окна, машины у обочины, дорожка к её подъезду, немного уставшие деревья во дворе. Даже воздух был тот же — городской, вечерний, с запахом пыли, камня и чьей-то готовящейся еды.

— И это третья дорога? — спросила она. — Мой дом? Мой двор? Моя жизнь, где я уже всё знаю?

Лис усмехнулся.

— Ты знаешь не жизнь. Ты знаешь способ, которым в ней исчезала.

Ведьма ничего не ответила.

Потому что удар был точный.

Они пошли дальше. Чем ближе она подходила к своему дому, тем страннее становилось внутри. Дом был тот же самый — вроде бы. Те же стены, те же окна, тот же свет в подъезде. Но что-то в нём изменилось.

Или, может быть, впервые изменилась она.

Окна казались больше. Свет — теплее. Даже лестница у входа выглядела не как место, где заканчивается день и начинается усталость, а как порог.

Ведьма остановилась перед своим домом.

— Странно, — сказала она тихо. — Он как будто другой.

— Нет, — ответил Лис. — Это ты впервые пришла домой не как человек, которого надо срочно куда-то использовать.

И в этот момент ведьма увидела его.

Мужчина стоял у подъезда, чуть в стороне от двери. Не принц, не спаситель, не загадка с красивой травмой. Просто сосед.

Кажется, она уже видела его раньше: в лифте, у почтовых ящиков, однажды утром с бумажным стаканом кофе, вечером с книгой под мышкой. Из тех людей, которых город долго держит на расстоянии «где-то рядом», пока однажды они вдруг не становятся видимыми.

Он поднял глаза.

Не долго. Не жадно. Просто посмотрел.

И ведьма вдруг заметила странное: рядом с ним ей не захотелось сразу собраться.

Он придержал дверь подъезда и сказал:

— Тяжёлый день?

Не «вы прекрасно выглядите». Не «мы где-то встречались?». Не что-то блестящее, за что можно зацепиться и начать привычно защищаться. Просто:

— Тяжёлый день?

И от этих слов у ведьмы внутри дрогнуло что-то маленькое и очень старое.

Потому что очень многие в её жизни замечали, сильная ли она, удобная ли, умная ли, справляется ли. Но мало кто замечал именно это.

Она устала.

Ведьма уже почти сказала привычное: «Да нет, всё нормально». Но Лис у её ног тихо кашлянул. Совсем тихо. Невоспитанно, но своевременно.

— Есть немного, — ответила она.

Мужчина кивнул, будто не собирался делать из этого ни драму, ни подвиг.

— Тогда проходите. Дверь тяжёлая.

Он просто придержал дверь.

Вот и всё.

Никаких фейерверков. Никакой судьбы с оркестром. Только вечер, подъезд, сосед и дверь, которую кто-то на секунду подержал для неё.

Но ведьма почему-то поняла: третья дорога не закончилась. Она вошла вместе с ней в дом.

Когда дверь подъезда закрылась за её спиной, город остался снаружи. Лестница была всё той же. Почтовые ящики — теми же. Лифт всё так же думал слишком долго, прежде чем приехать, будто тоже имел право на личные границы.

И всё же ведьма чувствовала: что-то стало иначе.

Не мир.

Она.

Вечером, когда окна её дома зажглись мягким золотым светом, рыжая ведьма впервые не думала, как бы дотянуться до чужой жизни.

Она сидела в своей.

И это было самое сильное колдовство из всех.

Она ещё не знала, что сосед у подъезда однажды станет для неё не просто человеком, который придержал тяжёлую дверь. Не знала, что у его спокойного голоса окажется редкое свойство: рядом с ним внутри не надо будет сжиматься. Не знала, что иногда третья дорога сначала выглядит как знакомый двор, обычный подъезд и короткое «проходите».

И уж точно не знала, что самое трудное начнётся не тогда, когда ей станет плохо, а тогда, когда ей станет хорошо.

Пока она просто пришла домой.

По третьей дороге.

Глава 3. Вечер с жасмином

После того вечера у подъезда прошло какое-то время. Ведьма ещё несколько раз видела соседа. Иногда у почтовых ящиков. Иногда во дворе. Иногда в лифте, где люди обычно смотрят то на номера этажей, то в телефон, лишь бы не встречаться взглядом слишком долго.

Они здоровались. И всё.

Он не пытался продолжить разговор, не ловил её у двери, не превращал короткое «добрый вечер» в повод для вторжения. Не задавал лишних вопросов, не смотрел слишком долго, не делал из соседства маленькую осаду.

И, возможно, именно поэтому ведьма постепенно перестала внутренне собираться каждый раз, когда видела его рядом.

Это было странно. Обычно рядом с незнакомыми мужчинами ей приходилось быстро доставать внутренний набор инструментов: вежливость, дистанцию, лёгкую иронию, запасной выход, выражение лица «я всё поняла раньше, чем вы начали». Но с ним почему-то не хотелось сразу выставить охрану.

Не потому что он был особенный. Просто сосед. Спокойный голос, внимательные глаза, человек, который однажды придержал тяжёлую дверь и заметил, что она устала. Ничего больше.

Всё могло бы так и остаться маленьким городским «здравствуйте», если бы в конце лета общие знакомые не позвали их обоих в сад.

Это был тот особенный вечер, когда воздух ещё тёплый, но в нём уже есть тонкий намёк на осень. Лето как будто всё ещё сидело за столом, но уже поглядывало на часы.

В саду накрыли длинный деревянный стол. На нём стояли тарелки с фруктами, запотевшие бутылки лимонада, закуски. Над столом висели маленькие огни, и когда темнело, они начинали светиться так, будто звёзды решили спуститься пониже и посмотреть, как люди разговаривают.

Ведьма сначала вообще не хотела туда идти. День был тяжёлый, настроение — колючее, и меньше всего ей хотелось сидеть среди людей, улыбаться, поддерживать разговор и делать вид, что у неё достаточно сил на чьё-то «ну расскажи, как ты».

Но в последний момент она всё-таки пошла. Сама потом не смогла бы объяснить почему. Может быть, потому что иногда даже уставшие ведьмы выходят из дома не из сил, а из упрямства — чтобы хотя бы ненадолго выбрать не усталость, а жизнь.

Она пришла позже других. Села с краю стола, туда, где можно было и быть, и не быть одновременно. Сказала несколько вежливых фраз. Взяла бокал. Слушала чужие разговоры и почти не участвовала, только иногда бросала короткие замечания, от которых кто-то смеялся, кто-то замолкал, а кто-то вдруг начинал говорить честнее.

Он сидел напротив, чуть в стороне от общей шумной середины. Не в центре внимания. И не из тех мужчин, которые занимают пространство тем, что сразу показывают, какие они интересные.

Он был тихий, но не пустой. Присутствующий. Из тех людей, рядом с которыми воздух не становится тяжелее.

Сначала ведьма почти не смотрела на него. Просто заметила между делом знакомый профиль, спокойный голос, сильные руки и тот редкий тип мужчины, который не влезает в паузы из страха, что тишина сделает его невидимым.

Потом кто-то за столом сказал что-то глупое и самодовольное — кажется, про то, что люди слишком драматизируют свою жизнь и все проблемы у них «в голове».

Ведьма спокойно поставила бокал на стол.

— Как правило, так говорят люди, которым повезло не встречаться с тем, что они так уверенно обесценивают.

За столом стало тихо. Потом кто-то нервно засмеялся. Кто-то перевёл тему. Кто-то сделал вид, что заинтересовался виноградом, как будто виноград только что высказал более без-опасную позицию.

А он посмотрел на неё — впервые по-настоящему.

Не с удивлением. Не с раздражением. Не с азартом человека, которому попала «непростая женщина».

А как будто узнал в ней что-то своё.

И это был первый момент, когда воздух между ними чуть изменился.

Позже, когда все уже переместились в сад и разговор рассыпался на маленькие группы, ведьма ушла к дальнему краю участка, где рос жасмин и пахло нагретой древесиной. Ей хотелось постоять в темноте и чуть-чуть не быть ни с кем.

Он вышел туда же через несколько минут. Не прямо к ней. Просто тоже вышел в сад — постоять в тишине, подальше от общего разговора.

Некоторое время они молчали.

Потом он сказал:

— Жасмин пахнет так, как будто кто-то специально придумал запах для августа.

Ведьма повернула голову и посмотрела на него.

Это была не блестящая фраза. Не эффектная. Но в ней не было ни попытки понравиться, ни банальности. Просто наблюдение. Живое. Настоящее.

— Или для тех, кто к августу уже немного устал от лета, — ответила она.

Он тихо усмехнулся.

— Тоже верно.

И почему-то именно с этого у них всё и началось.

Не с флирта. Не с игры. Не с яркого взаимного удара током.

А с ощущения: с этим человеком можно говорить так, как будто не надо переводить себя на чужой язык.

Они говорили о городах, после которых человек возвращается немного другим; о доме, который не всегда совпадает с адресом; о людях, которые не умеют быть добрыми тихо; о том, почему некоторые всю жизнь выбирают сложное, даже когда хотят простого.

Ведьма потом ещё долго удивлялась, как легко она тогда говорила. Не потому что была открытой. А потому что он слушал так, будто сказанное не нужно было ни улучшать, ни использовать, ни оборачивать против неё.

В какой-то момент кто-то позвал их к столу. Он обернулся на голос, потом снова посмотрел на неё и сказал:

— Можно я принесу тебе чай? Здесь становится прохладно.

И это тоже было странно.

Потому что забота в её жизни часто приходила либо слишком поздно, либо с таким видом, будто за неё потом выставят счёт. А тут всё было просто, почти буднично: заметить, что ей может быть холодно, оказалось самой естественной вещью на свете.

Она почти по привычке хотела ответить: «Не надо, я сама».

Это заклинание жило в ней давно.

Но почему-то не сказала.

Только кивнула.

И когда он вернулся с кружкой чая, завернутой в салфетку, чтобы не обжигала руки, она вдруг ощутила что-то очень редкое и очень тихое: рядом с ним не надо было сразу обороняться.

Потом вечер закончился. Люди стали прощаться. Огни над столом казались теплее, чем в начале. Кто-то зевал, кто-то искал шарф, кто-то обещал «надо повторить», хотя все знали, что это может означать как «через неделю», так и «в следующей жизни, если календарь позволит».

Ведьма уже собиралась уходить, когда он подошёл и спросил:

— Ты сама домой?

Она подняла бровь.

— А что, выгляжу как человек, который потеряется по дороге?

— Нет, — ответил он. — Как человек, которому сейчас, возможно, не очень хочется идти одной.

Ведьма посмотрела на него чуть дольше, чем нужно.

Потому что это было почти пугающе точное попадание.

— Возможно, — сказала она.

— Тогда я могу пройти с тобой. Если хочешь.

Без давления. Без мужской важности. Без «позволь мне тебя проводить».

Просто: если хочешь.

И она, сама от себя не ожидая, ответила:

— Хочу.

Они шли по тёплой тёмной улице, где асфальт ещё хранил дневное солнце, а окна домов светились мягко и сонно. Разговаривали мало. Но это было то редкое молчание, после которого не чувствуешь пустоты.

У дома он не сделал ничего особенного. Не взял её за руку слишком рано, не задержал взгляд дольше, чем она могла выдержать, не попытался превратить прощание в сцену.

Только сказал:

— Мне было хорошо рядом с тобой. Давай провожу тебя до двери.

И в этих простых словах не было ни фокуса, ни ловушки.

Только правда.

Ведьма кивнула и ответила что-то спокойное, почти нейтральное. Они зашли в подъезд, поднялись по лестнице, и она уже почти повернулась к своей двери, как он вдруг сказал:

— Подожди.

Не резко. Не требовательно. Просто так, будто не хотел упустить что-то важное.

Она обернулась.

Он чуть помедлил.

— Мне правда было очень хорошо рядом с тобой, — сказал он. — Можно я тебе напишу?

И вот это «можно» как раз и решило всё.

Потому что в нём не было самоуверенности, вторжения, ощущения, что она уже автоматически согласна.

Было уважение.

И тихий, взрослый интерес.

Ведьма посмотрела на него пару секунд — не потому что сомневалась, а потому что ей нужно было привыкнуть к самой возможности ответить без защиты.

Потом назвала номер.

Он не стал суетиться. Не начал тут же звонить «для проверки». Не полез в телефон так поспешно, будто заключает сделку, пока клиент не передумал. Спокойно записал, поднял глаза и улыбнулся так, будто это было не достижение, а что-то хорошее и очень простое.

— Я напишу, — сказал он.

— Хорошо, — ответила ведьма.

Они не обнялись. Не потому что не хотели, а потому что между ними уже было слишком много тонкого, чтобы торопить телесное. Им обоим, кажется, было важнее не разрушить этот первый хрупкий свет.

Он просто посмотрел на неё чуть дольше обычного и сказал:

— Спокойной ночи.

— И тебе.

Когда дверь закрылась за ней, а он зашагал к себе, ведьма прислонилась к ней спиной и несколько секунд стояла неподвижно.

Этот вечер не был похож на начало большой любви.

Но был похож на начало чего-то, рядом с чем можно однажды перестать быть одной.

И именно это испугало её сильнее всего.

Потому что иногда самые важные встречи начинаются не с молнии, а с того, что кто-то приносит тебе чай — и ты вдруг не говоришь: «Я сама».

И только потом, уже засыпая, ведьма поняла, что улыбается.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.